

Изъ воспоминаній объ осадѣ Портъ-Артура.

(Продолженіе 1).

Минные шары.

первые мысль о минныхъ шарахъ явилась на Кумирнскомъ редутѣ.

Японцы подошли къ редуту вплотную и имѣли окопъ въ разстояніи 60 шаговъ отъ верхушки гласиса.

Голова ихъ сапы была внѣ обстрѣла какъ съ самого редута, такъ и съ сосѣднихъ позицій, что давало имъ возможность беспрепятственно все дальше и дальше влѣзать на редутъ.

Довольно ровная мѣстность гласиса и невозможность огнемъ остановить работу японцевъ навели меня на мысль разрушить эту работу спущенной съ верхушки гласиса бомбой.

Кумирнскій редутъ, послѣ Водопроводнаго, представлялъ изъ себя позицію наиболѣе выдвинутую впередъ отъ общей линіи обороны.

Назначеніе этихъ редутовъ—прикрыть дорогу проходившей по долинѣ небольшой рѣчки Лунхе, находившейся между временнымъ укрѣпленіемъ III и фортотъ IV. Эти два редута были намѣчены еще въ мирное время и закончены ко времени тѣсной осады крѣпости;

1) См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 4.

они носили временный характер: по линии огня—брустверь былъ выложенъ мѣшками, впереди бруствера ровъ около 12 футъ шириной и приблизительно такой же глубины.

Для гарнизона были врѣзаны въ землю хорошо крытые балками блиндажи, съ присыпкой земли наверху. Расчитаны они были на одну роту.

Артилерію кумирнскаго редута составляли два пулемета, двѣ морскія пушки Барановскаго и метательный минный аппаратъ съ 4-мя минами.

Переговоривъ съ комендантомъ редута, поручикомъ Дунинымъ и другими офицерами (поручиками Окуневымъ, Никольскимъ и Линденвальдъ), мы составили такой планъ: въ этотъ же вечеръ я привезу шаровую бомбу (сдѣлать ее я предполагалъ изъ мины загражденія). Бомба эта будетъ спущена съ верхушки гласиса. Предупрежденные объ этомъ взрывѣ сосѣдніе форты, сейчасъ же послѣ взрыва, открываютъ орудійный огонь по японскимъ резервамъ, и освѣщаютъ ракетами и прожекторами мѣстность передъ редутомъ.

Гарнизонъ редута до взрыва долженъ былъ быть спрятанъ, чтобы не быть пораженнымъ осколками бомбы, а послѣ взрыва сейчасъ же, безъ особой команды, выбѣгаетъ къ брустверу и открываетъ огонь по японскому окопу.

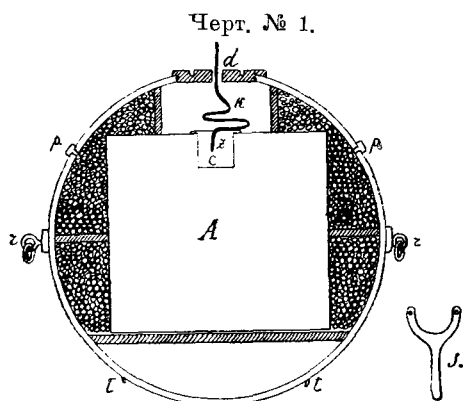
Предполагалось, что при удачномъ взрывѣ мины, будетъ уничтожена японская работа въ сапѣ и часть окопа разрушена, а, кромѣ того, неожиданность и громадная сила взрыва могутъ произвести среди японцевъ панику.

При спускѣ мины необходимо было ей дать вначалѣ большую скорость (раскатить), что было бы трудно ввиду ея большой тяжести и мягкости грунта, а потому я просилъ поручика Линденвальда приготовить къ 10 часамъ вечера деревянный катокъ длиною около $3\frac{1}{2}$ сажень и шириною въ аршинъ съ небольшимъ. По обѣимъ сторонамъ этого катка сдѣлать борта высотой сколо полуфута.

Вернувшись съ редута въ портъ, мы сейчасъ же принялись за изготовленіе предположеннаго пироксилиноваго шара. Самымъ подходящимъ корпусомъ для этой цѣли были непригодныя для постановки въ морѣ мины загражденія. (См. чер. 1). Передѣлка такой мины не составила большого труда. Обрѣзали треногу (tt), прикрѣпляющуюся снаружи мины для присоединенія къ ней минрепа ¹⁾.

¹⁾ Стальная веревка, на которой мина стоитъ подъ водой на якорѣ.

Все, что было внутри мины, вынули, а отверстия, куда вставляются колпачки съ жидкостью Гренэ (pp), закрыли глухими пробками. Въ крышкѣ (d), служащей для снаряженія мины, сдѣлали отверстіе діаметромъ въ одинъ дюймъ, въ которое долженъ былъ выходить конецъ бикфордова шнура (к). Кольца (гг), служація для удобства обращенія съ миной при переноскѣ, оставили, чтобы концомъ, продѣтымъ въ одно изъ нихъ, держать мину, дабы сама не скатилась раньше времени.

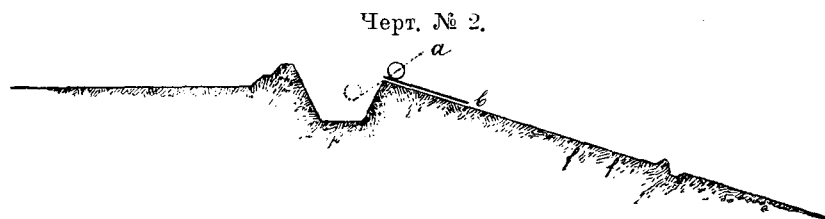
Пустой шаръ снарядили шестью пудами пироксилина (А), а промежутки между нимъ и корпусомъ наполнили четырьмя пудами разныхъ чугунныхъ осколковъ (ВВ).

Вѣсъ не снаряженной мины шесть пудовъ.

Такимъ образомъ, получился шаръ вѣсомъ въ шестнадцать пудовъ.

Въ тотъ же вечеръ его доставили на Кумирнскій редуть, гдѣ къ этому времени былъ приготовленъ и катокъ.

Около 11 часовъ мы спустили шаръ въ ровъ, окружающій редуть и перенесли его къ наружному гласису.

Чтобы поднять мину изъ рва на гласисъ, выдвинули катокъ на половину (рис. 2 положеніе катка а), поставивъ мину на внутренній конецъ его. Постепенно, подымая конецъ катка особыми шестами, поставили мину въ положеніе b, такимъ образомъ, чтобы крышка d приходилась наверху и была бы на сторонѣ наклоненной внутрь. Постановка мины заняла много времени, т. к. приходилось быть очень осторожнымъ, дабы малѣйшимъ шумомъ не потревожить японцевъ, находившихся въ разстояніи всего 60-ти шаговъ.

Концомъ, продѣтымъ черезъ кольцо *r*, мина удерживалась на каткѣ.

Убравъ людей съ гласиса въ ровъ, я поднялся къ минѣ. Стараясь не показываться изъ за мины, ключемъ *s* отвернулъ крышку *d* и вставилъ запальный стаканъ *e*. Длина бикфордова шнура *k* была рассчитана на полторы минуты горѣнія, т. е. черезъ этотъ промежутокъ времени отъ момента начала горѣнія шнура, мина должна взорваться.

Вставивъ запальный стаканъ, завернулъ крышку *d*, выпустивъ въ среднее отверстіе бикфордовъ шнуръ на одинъ дюймъ. Ключъ бросилъ въ ровъ.

Минерамъ, державшимъ во рву конецъ отъ мины, я приказалъ раздёрнуть его по моей командѣ «отдавай».

Выждавъ нѣсколько минутъ, чтобы убѣдиться въ спокойствіи находившихся передо мной японцевъ, приказалъ подать мнѣ изъ рва фитиль. Закрывъ фуражкой кончикъ горѣвшаго фитиля, я прижалъ его къ бикфордову шнуру. Шнуръ не загорался. Когда же я попробовалъ раздуть его, вылетѣла искра, встревожившая меня, т. к. японцы могли замѣтить ее и поднять тревогу. Изъ рва минеръ Буторинъ иодалъ мнѣ другой фитиль обыкновенный, какой употребляютъ для портъ-сигаровъ.

Бикфордовъ шнуръ загорѣлся. Полторы минуты, на которыя былъ рассчитанъ шнуръ, въ этотъ моментъ показались мнѣ слишкомъ большимъ промежуткомъ времени. Я, опасаясь, что японцы до взрыва успѣютъ разбѣжаться отъ нея въ стороны, рѣшилъ выждать полминуты. Прислушиваясь къ шипѣнію горѣвшаго внутри шнура, я считалъ секунды, какъ ихъ считаютъ моряки при наблюденіяхъ по хронометру, т. е. ноль разъ, ноль два, ноль три, ноль четыре... и т. д.

Съ послѣднимъ счетомъ ноль тридцать, тихо передаю въ ровъ, — «отдавай»... Продолжая считать ноль 31, ноль 32, ноль 33... изъ всѣхъ силъ толкаю мину... Мина не трогается съ мѣста.

У меня мелькаетъ въ головѣ: ключъ брошенъ въ ровъ, отвернуть крышку и выдёрнуть фитиль уже нѣтъ возможности... Сейчасъ мина взорвется... Уже громко, нервно, нѣсколько разъ повторяю въ ровъ «отдавай», «отдавай»... «Отдано ваше благородіе» — передаютъ мнѣ снизу. Сбиваясь со счета, машинально продолжаю повторять ноль разъ, ноль два... и т. д. Чувствую, что остается около 40—30 секундъ. Въ полномъ ужасѣ продолжаю со всей силой нажимать на зловѣще шипящую мину. Мнѣ ясно представляется,

что вотъ вотъ сейчасъ и отъ меня и отъ Кумирнскаго редута, которому я хотѣлъ помочь, ничего не останется. Стоявшіе во рву люди, понявъ грозящую имъ опасность, бѣгутъ подальше отъ мины.. Я чувствую холодный потъ, выступившій у меня, и начинаю уже терять силы. Въ этотъ критическій моментъ, изъ числа бѣжавшихъ, минеръ Богдановъ опомнился, вернулся, вскочилъ на гласисъ, и, благодаря только этой его рѣшимости, намъ вдвоемъ удается сдвинуть мину съ мѣста ¹⁾. При первомъ же поворотѣ шара, чугунные осколки, пересыпаясь, сильно зашумѣли. Бѣжимъ вмѣстѣ съ миной, продолжая толкать ее внизъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большимъ грохотомъ летѣлъ шестнадцати пудовый шаръ. Въ японскомъ окопѣ поднялась тревога. Услышавъ шумъ и видя бѣгущихъ людей, японцы открыли огонь, и около насъ, но все ниже насъ, посыпались пули.

Пробѣжавъ съ миной всю длину катка, мы съ Богдановымъ соскочили въ ровъ и прижались къ контръ эскарпу.

Жду, когда же раздастся взрывъ. Вдругъ черезъ нѣсколько секундъ я слышу взрывъ, но настолько слабый, сравнительно съ тѣмъ, какого я ожидалъ отъ шести пудовъ пироксилина, что первый моментъ я предположилъ, что взорвался одинъ запальный стаканъ, а остальной зарядъ почему либо не детонировалъ.

Еще нѣсколько секундъ и второй такой же взрывъ. Тогда я уже ничего не понимаю. Но вотъ еще нѣсколько секундъ и раздался оглушительный взрывъ. Это уже было ясно, что «она» взорвалась.

На моментъ насъ освѣтило заревомъ этого взрыва, и вслѣдъ за нимъ, какъ горохъ, вокругъ насъ посыпались осколки. Часть ихъ со свистомъ перелетала черезъ насъ на редуть. Вслѣдъ за взрывомъ все смолкло. Трещавшія японскія ружья и пулеметы замолчали. Надъ нами пробѣжалъ одинъ лучъ прожектора, освѣтилъ на моментъ редуть и скрылся. Черезъ нѣсколько секундъ онъ вернулся обратно, отыскивая японскій окопъ; съ какого то форта взвилась ракета, прошелъ слѣдующій лучъ прожектора, и еще ракета, еще прожекторъ и смолкнувшіе было выстрѣлы съ новой силой затрещали по всѣмъ направлѣніямъ. Надъ нами снова засвистѣли пули, но уже теперь съ двухъ сторонъ, — и наши стрѣлки открыли огонь.

¹⁾ При осмотрѣ потомъ катка видны были двѣ острия вмятины отъ двухъ изъ трехъ кусковъ не ровно обрѣзанной треноги (tt), вшившихся въ мягкое сосновое дерево.

Весь ровъ былъ въ перекрестномъ огнѣ, и мы съ Богдановымъ, не имѣя возможности выйти изъ него, остались на мѣстѣ, плотнѣе прижавшись къ внутренней сторонѣ рва. Что происходило вокругъ насъ, мы не видѣли. Черезъ полъ часа огонь значительно уменьшился, и я вернулся на редутъ.

Войдя въ казармы редута, представлявшія изъ себя рядъ корридоровъ, вырытыхъ въ землѣ, я былъ пораженъ результатами взрыва, отразившагося такъ подъ землей на разстояніи отъ него почти въ 90 шаговъ. Поднятая сотрясеніемъ воздуха пыль продолжала еще стоять, лишая возможности разглядѣть что либо кругомъ. При мнѣ въ корридорахъ снова зажигали лампы, потухшія при взрывѣ. Все, что висѣло болѣе свободно на стѣнахъ и лежало на нарахъ, было сброшено внизъ.

Въ офицерскомъ блиндажѣ я увидѣлъ мичмана Л., съ растеряннымъ видомъ сидѣвшаго на койкѣ. Л., какъ то неестественно раскачиваясь корпусомъ, какъ будто про себя говорилъ, «я домой поѣду, поѣду домой».

Я долго не могъ понять, что съ нимъ такое, и только уже нѣкоторое время спустя я понялъ, въ чемъ дѣло.

Л. пріѣхалъ на Кумирнскій редутъ вскорѣ послѣ меня съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть эффектъ отъ взрыва шестнадцати пудоваго шара, о которомъ мы съ нимъ говорили днемъ въ городѣ.

На редутъ онъ просилъ меня предупредить его, когда я пойду на гласисъ, а пока легъ отдохнуть. Въ хлопотахъ съ шаромъ я совершенно забылъ о немъ и ушелъ, не сказавъ ему объ этомъ.

Въ моментъ взрыва его соннаго подкинуло и посадило. Настолько это было неожиданно и сильно, что онъ долго не могъ придти въ себя.

Взрывъ шара отозвался не только на редутъ, но и далеко за нимъ. Такъ напр., моя лошадь, оставленная шаговъ за двѣсти до редута, по словамъ сторожившаго ее солдата, упала на колѣни и нѣсколько секундъ оставалась въ такомъ положеніи.

По счастливой случайности, перелетѣвшіе черезъ редутъ осколки, не задѣли выскочившихъ на брустверъ раньше времени стрѣлковъ ¹⁾. Пострадалъ только одинъ унтеръ-офицеръ, которому осколкомъ повредило глазъ.

На утро можно было разглядѣть результаты взрыва, — громадная яма въ томъ мѣстѣ, гдѣ была голова сапы, свидѣтельствовала,

¹⁾ Стрѣлки выскочили къ брустверу по первому взрыву, согласно приказанію.

что мина взорвалась удачно. По ту и другую сторону окопа валялись изуродованныя части тѣлъ, нѣкоторыя отброшенныя шаговъ на сто въ сторону.

Не думаю, чтобы особенно много погибло японцевъ отъ самого взрыва. Если имъ и былъ нанесенъ въ ту ночь значительный уронъ, то главнымъ образомъ огнемъ стрѣлковъ, открытымъ по начавшимъ въ паникѣ метаться по окопу отдѣльнымъ людямъ.

Первые два взрыва, слышанные мною и поднявшіе на редутѣ преждевременную тревогу, оказались японскими фугасами, заложенными ими по гласису (черт. 1 ff) на случай вылазки съ нашей стороны.

Японцы, заслышавъ шумъ, поднятый покотившимся шаромъ и увидя фигуры людей на верхушкѣ гласиса, очевидно рѣшили, что нами предпринята вылазка и, осыпая катившуюся мину ружейнымъ огнемъ, рвали подъ ней фугасы.

Очень возможно, что если бы у насъ была приготовлена какая либо часть, которая могла бы вслѣдъ за взрывомъ кинуться въ обходъ японскаго окопа ¹⁾ то паника, произведенная миной, была бы лучше использована, а такъ все ограничилось только сравнительно небольшой потерей у японцевъ, а окопъ все же остался за ними.

Хотя мина и исполнила свое назначеніе, разрушивъ японскую работу, но она не задержала, конечно, давно подготовленный конецъ редута. Очень быстро послѣ этой ночи редутъ былъ взятъ. Противъ него дѣйствовала цѣлая бригада, которая взяла его только послѣ того, какъ поставила свои пулеметы на брустверъ редута.

На этомъ редутѣ имъ достался минный метательный аппаратъ съ двумя минами, который не успѣли уничтожить, такъ какъ матросъ минеръ Смирновъ, бывший при немъ, гранатой былъ разорванъ въ куски.

Идея уничтоженія японскихъ работъ и ихъ самихъ минными шарами въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были внѣ обстрѣла, дала хороший результатъ, но продолжать ее съ шестнадцатью пудами я считалъ рискомъ, не оправдавшимъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Да и не было надобности въ такомъ громадномъ количествѣ пироксилина,—слишкомъ большая часть взрыва уходила въ сторону.

¹⁾ Вылазки въ то время были категорически воспрещены приказомъ начальства.

Впослѣдствіи, въ разныхъ мѣстахъ крѣпости было спущено до 110 шаровъ. Эти шары, уже вѣсомъ всего около четырехъ пудовъ, скатывались также съ катковъ соотвѣтственной величины; ихъ удавалось спускать въ такія щели, въ которыя никакимъ другимъ снарядамъ не возможно было попасть.

Вдѣвремя и удачно спущенные шары дѣлали иногда большое дѣло.

Однажды, на фортѣ II японцы влѣзли уже въ ровъ и, собравшись значительной частью въ тыловой его сторонѣ слѣва, находившейся внѣ обстрѣла отовсюду и даже съ самаго форта, угрожали ему неминуемымъ паденіемъ.

Сброшенный по распоряженію коменданта форта (поручика Фролова) шаръ заставилъ японцевъ не только покинуть ровъ, но и силой выгнать ихъ подъ нашъ огонь, гдѣ они были уничтожены. 6-го и 7-го декабря шары уничтожили три японскихъ траверса ворву форта III съ правой стороны и тѣмъ остановили дальнѣйшее движеніе японцевъ.

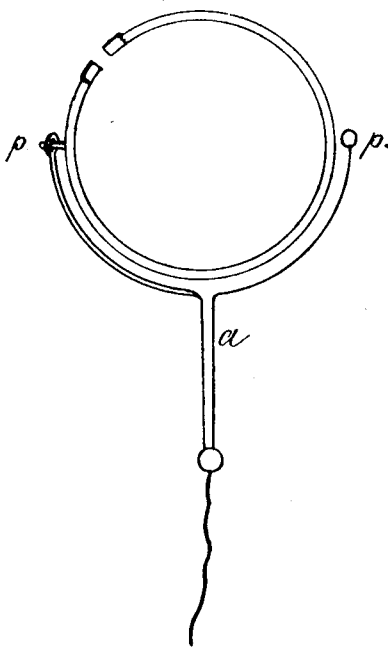
Малые шары были діаметромъ 2 фута. Внутренность ихъ заполнялась пироксилиномъ (около 2-хъ пудовъ). Кромѣ пироксилина ихъ ничѣмъ болѣе не снаряжали, такъ какъ самый корпусъ, полудюймового желѣза, давалъ достаточное количество осколковъ. Крышка и запальный стаканъ были той же системы, какъ и у большого шара.

Къ этимъ шарамъ добавили еще развилку, дававшую возможность взрывать ихъ въ желаемомъ мѣстѣ.

Къ шару съ боковъ на винтахъ были придѣланы планки съ пальцами *p.*, на которые одѣвалась вилка *a* (черт. 3). Къ концу этой вилки прикрѣплялся конецъ любой длины. Въ то время, какъ мина катилась, можно было въ желаемый моментъ задержать этотъ конецъ.

Вилки все таки стѣсняли нѣсколько шаръ, а потому большинство минъ было спущено безъ нихъ.

Черт. № 3.

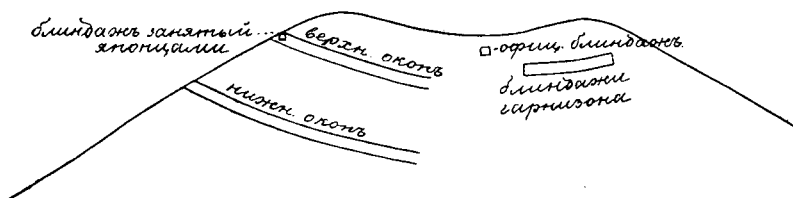

Высокая гора.

Съ 6-го сентября японцы усиленно штурмовали Высокую гору. Къ восьмому сентября они уже достигли громаднхъ успѣховъ: всѣ окопы съ западной стороны были въ ихъ рукахъ. Поднимаясь выше, они заняли и нашъ блиндажъ на лѣвой сопкѣ, знакомый мнѣ, такъ какъ раньше еще мы установили въ немъ минный метательный аппаратъ, попавшій теперь также въ руки японцевъ.

Находя, что Высокая гора была въ критическомъ положеніи, такъ какъ шансы японцевъ съ занятіемъ нашего блиндажа были очень велики, генераль Кондратенко предложилъ мнѣ испробовать, какъ одно изъ послѣднихъ средствъ, уничтожить этотъ блиндажъ, составлявшій опору японцевъ на Высокой горѣ, тѣмъ же способомъ,

Черт. № 4.

какой былъ примѣненъ на Кумирнскомъ редутѣ при уничтоженіи японской сапы.

Такъ какъ малые шары, о которыхъ было говорено выше, не были еще готовы (спускъ шара на Кумирнскомъ редутѣ былъ въ ночь съ 5-го на 6-е сентября), то я рѣшилъ попытаться уничтожить захваченный японцами блиндажъ тѣми же шестнадцати-пудовыми шарами.

8-го сентября, взявъ съ собой два такихъ шестнадцати-пудовыхъ шара (теперь тренога была тщательно обрѣзана) я вмѣстѣ съ моимъ главнымъ помощникомъ, миннымъ квартирмейстеромъ Буторинымъ, поѣхалъ въ штабъ 5-го полка, находившагося подъ Высокой горой, чтобы тамъ подробнѣе узнать о ея положеніи. Утѣшительнаго я ничего не узналъ,—японцы крѣпко сидятъ на Высокой, и всѣ попытки выбить ихъ оканчивались неудачей.

Когда я пришелъ на Высокую, то было уже темно и трудно было ориентироваться и рѣшить—насколько возможна попытка разрушить блиндажъ шарами. Остался на Высокой, чтобы разсмотрѣть мѣстность утромъ.

Чуть начало свѣтать, надъ лѣвымъ гребнемъ уже ближе къ серединѣ горы, разорвалась японская шрапнель, послужившая сигналомъ приготовившимся къ атакѣ японцамъ.

Вслѣдъ за этой шрапнелью на томъ же гребнѣ разорвался рядъ бомбочекъ, и за ними вскочили японцы.

Въ первый моментъ часть гарнизона, всю ночь работавшая надъ починкой бруствера этого гребня, дрогнула отъ неожиданной атаки и скатилась внизъ. Упали раненые и убитые. Былъ моментъ, когда можно было думать, что японцы возьмутъ Высокую гору.

Но это былъ моментъ. Два три энергичныхъ слова шт.-кап. Сычева (комендантъ горы), примѣръ офицеровъ, и дрогнувшая часть быстро оправилась и сбросила японскихъ смѣльчаковъ обратно.

Моментъ былъ настолько серьезный, что Сычевъ приказалъ мнѣ уничтожить привезенныя мною мины, такъ какъ онѣ могутъ только повредить намъ и попасть въ число японскихъ трофеевъ.

Вмѣстѣ съ нимъ мы вытащили ихъ изъ офицерскаго блиндажа, гдѣ онѣ были спрятаны подъ столомъ, и скатили неснаряженными (запальный стаканъ не вставленъ) въ долину съ нашей стороны. Скатить ихъ къ японцамъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ съ ними надо было подняться на гребень, помимо того, наружная сторона Высокой горы такъ была изрыта громадными воронками отъ снарядовъ, что все равно мина не покати-лась бы.

Хотя эта атака и была отбита, но все же положеніе оставалось такимъ же критическимъ, — въ каждый моментъ атака могла быть повторена со свѣжими силами, и Богъ знаетъ, какъ долго могъ бы сопротивляться 4-е сутки не спавшій гарнизонъ, не имѣя за это время подкрѣпленія.

Я рѣшилъ идти внизъ и доложить генералу Кондратенко, что его порученія не могъ выполнить. Долго не могли найти Буторина, оставшагося ночью вмѣстѣ со мной на Высокой. Нашли его въ блиндажѣ, заваленномъ на разсвѣтъ японскимъ одиннадцати дюймовымъ снарядомъ. Онъ оказался однимъ изъ немногихъ счастли-цевъ, не погребенныхъ навсегда въ этомъ блиндажѣ.

Вернувшись въ штабъ 5-го полка, я засталъ тамъ генерала Кондратенко, совѣщавшагося съ полковниками Третьяковымъ и Ирманомъ.

Кондратенко уже зналъ по телефону, что я ничего не сдѣлалъ. Лично я ему доложилъ только подробности, которыя слышалъ и видѣлъ на Высокой.

Лѣвая сопка горы была въ японскихъ рукахъ, вмѣстѣ съ блиндажемъ, гдѣ стоялъ нашъ минный аппаратъ и гдѣ теперь японцы поставили два пулемета и скорострѣльную пушку.

Всѣ попытки отобрать у нихъ эту позицію оказались тщетными.

Отряды гарнизона, ходившіе въ атаку на этотъ блиндажъ, разбивались объ него, какъ о Фермопильское ущелье.

Окружить этотъ блиндажъ также не было возможности, такъ какъ японцы въ большемъ количествѣ сидѣли съ трехъ сторонъ вокругъ него. Относительно нашей артилеріи блиндажъ находился въ мертвомъ углу.

Таково было положеніе 9-го утрома.

Какъ я узналъ потомъ, въ этотъ же день поручикъ Ясенскій подъ жестокимъ огнемъ полнымъ ходомъ выѣзжалъ на позицію противъ тыла Высокой горы и скорострѣльной артилеріей нанесъ имъ громадный уронъ, но, не смотря на это, японцы также крѣпко продолжали сидѣть въ этомъ злосчастномъ блиндажѣ.

Генераль Кондратенко, прощаясь со мной, сказалъ, — «поѣзжайте домой, отдохните и во что бы то ни стало, придумайте что нибудь; единственная наша надежда на какой нибудь случай».

Я былъ очень гордъ порученіемъ ген. Кондратенко, но чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ разрушить этотъ проклятый блиндажъ.

Вернувшись на «Баянъ», я подѣлился въ каютъ-компаніи своими затрудненіями, потолковали, но все же ничего не придумали.

Похвала, полученная мною наканунѣ за Кумирнскій редуть, только что сказанныя Кондратенко слова, сильно задѣли мое самолюбіе, и во что бы то ни стало я хотѣлъ разрушить этотъ блиндажъ.

Всѣ мои комбинаціи по этому поводу сводились къ общему рѣшенію, что единственный способъ, — это взорвать его. Но какъ?

Наконецъ, я рѣшилъ, — либо панъ, либо пропаль, — идти прямо къ японцамъ въ блиндажъ.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, позвалъ Буторина и приказалъ ему достать шесть шести-фунтовыхъ пироксилиновыхъ патроновъ, столько же запаловъ съ короткимъ бикфордовымъ шнуromъ и фитиль.

Кромѣ Буторина назначилъ такого же типа минера Фоминича. Оба они отличались беззаветной храбростью и спокойствіемъ.

Буторинъ, несмотря на то, что у него всѣ бока были отбиты прошлую ночь обвалившимся блиндажемъ, выразилъ полную радость по поводу предполагаемаго мною плана дѣйствій.

По своей инициативѣ онъ «усовершенствовалъ» патроны, т. е. обвязалъ ихъ концомъ такъ, чтобы, держа за этотъ конецъ, удобнѣе было бы ихъ кинуть.

Къ 8-ми часамъ вечера того же 9-го числа мы втроемъ вмѣстѣ съ небольшимъ нашимъ багажемъ прибыли въ штабъ 5-го полка.

Высокая гора была въ томъ же положеніи. Японскій резервъ, стоявшій полъ Высокой, и отошедшій было назадъ подъ огнемъ артиллеріи поручика Ясенскаго, съ наступленіемъ сумерекъ, вновь вернулся на свои мѣста.

Попытка выбить японцевъ съ наступленіемъ темноты окончилась опять неудачей. Въ штабъ я доложилъ о своемъ планѣ полковнику Ирману, бывшему начальникомъ района, и полковнику Третьякову, командиру 5-го полка.

Около 10 ти часовъ вечера мы поднялись на Высокую гору. По дорогѣ встрѣтилъ возвращавшагося въ штабъ на рикшѣ раненаго въ грудь поручика. Поручикъ былъ очень взволнованъ и, вслѣдствіе волненія и раны, я съ трудомъ, среди хрипящихъ звуковъ, могъ разобрать отдѣльныя слова,—«доложу Третьякову..., такія потери... не туда пошли...» Очевидно, это относилось къ неудачной вылазкѣ, о которой говорилось въ штабѣ.

На Высокой горѣ кое-гдѣ пощелкивалъ не частый ружейный огонь, какой бываетъ только въ тихое время, когда перестрѣливаются между собой часовые, да передовыя части въ окопахъ.

Иногда, высоко надъ головой, съ шумомъ пролеталъ нашъ снарядъ, пущенный по дневному прицѣлу больше для безпокойства непріятели, и разрывалась съ трескомъ и огнемъ японская граната. Войдя въ офицерскій блиндажъ, я засталъ тамъ коменданта горы, штабсъ-капитана Сычева, занятаго у телефона, шт.-кап. Краморенко и еще двухъ незнакомыхъ мнѣ офицеровъ.

Почти никто не разговаривалъ; на вопросы отвѣчали вяло, неохотно. Видимо каждый былъ занятъ своей мыслью. У Краморенко оставалось 9 человекъ изъ роты, да и у другихъ немного.

Изъ разговоровъ я понималъ, что японцы продвинулись уже изъ блиндажа внутрь по окопу и заняли часть его какъ съ лѣвой, такъ и съ правой стороны. Я объяснилъ Сычеву, что моею цѣлью— пройти незамѣтно къ блиндажу на разстояніе, съ котораго можно бы было кинуть въ него шестифунтовые патроны. Можетъ быть, при счастья, удастся взорвать блиндажъ или же, во всякомъ случаѣ, поразить японцевъ неожиданностью нападенія.

Одинъ изъ незнакомыхъ мнѣ офицеровъ отнесся очень скептически къ намѣченному мною предпріятію.—«Ну, уже вы, съ вашимъ «пироксилиномъ», мы уже лучше сами, по старому попробуемъ». На это я ему только сказала, что я рискую всего только тремя, а потому, при неудачѣ, особаго несчастья не произойдетъ.

Не зная точно, какъ и гдѣ можно пройти къ блиндажу, я просилъ штабсъ-капитана Сычева дать мнѣ кого-нибудь, кто могъ бы меня сопровождать, изъ числа людей, знающихъ дорогу. Вызывали желающихъ среди бывшей по близости команды, но таковыхъ не оказалось, такъ какъ большинство людей были сами очень недолго на Высокой и не знали хорошо мѣстности. Я уже начиналъ отчаяваться, такъ какъ идти по неизвѣстной дорогѣ, не зная даже вѣрнаго направленія ея, представлялось мнѣ болѣе чѣмъ наивнымъ. Грѣшнымъ дѣломъ, я уже начиналъ думать, что можетъ быть и нашлись бы знающіе, да ужъ больно всѣ переутомились.

Во время этихъ разговоровъ, пришелъ рядовой 5-го полка Труфановъ, и, подойдя ко мнѣ, сказалъ,—«ваше благородіе! я могу васъ проводить къ блиндажу».—Для меня это было настолько пріятной неожиданностью, что я невольно задалъ ему вопросъ,—«да почему ты идешь?»—«Такъ что я васъ знаю, я съ вами шаръ на Кумирнскомъ редутѣ спускалъ!»

— Знаешь дорогу къ блиндажу?

Такъ точно, знаю.

— Ну, идемъ!

Позвалъ Буторина и Фоминича, ожидавшихъ у блиндажа.

Осмотрѣлъ и распредѣлилъ патроны, давъ каждому по двѣ штуки. Буторинъ кромѣ того захватилъ еще зажженный фитиль, спрятанный въ мѣдной коробкѣ.

Запалы для патроновъ были у меня, въ боковомъ карманѣ тулжурки.

Штабсъ-капитанъ Сычевъ, давъ намъ послѣдніе совѣты, предупредилъ, чтобы мы не высовывали головъ изъ окна, такъ какъ

въ насъ будутъ стрѣлять. Въ темнотѣ трудно различить, кто ползетъ, непріятель или свои. Тронулись около полночи. Погода была тихая. Луна, бывшая на ущербѣ, немного освѣщала намъ путь.

Осторожно, но быстро перебѣжали мы открытое мѣсто до нашихъ окоповъ. По всей дорогѣ лежали четвертый день неубранные трупы, и попадались громадныя ямы, вырытыя снарядами.

Войдя въ нашъ окопъ, передохнули и тихо тронулись впередъ. Пройдя линію нашихъ стрѣлковъ, вошли въ нѣкъмъ не занятый окопъ. Однообразный звукъ выстрѣловъ и свистъ пуль не мѣшали различать малѣйшій шорохъ. Каждый упавшій при какомъ-либо неловкомъ движеніи камень невольно заставлялъ насъ пріостанавливаться и, затаивъ дыханіе, прислушиваться,—не поднялъ ли этотъ шорохъ тревогу у японцевъ.

Ползти приходилось, придерживаясь правой стороны окопа, такъ какъ съ этой стороны была луна.

Большую услугу оказали намъ валявшіеся въ окопѣ трупы. Несмотря на то, что они издавали невозможный смрадъ, и нѣкоторые изъ нихъ, уже разложившіеся, были склизкіе, мы съ удовольствіемъ прижимались къ нимъ въ моментъ малѣйшей опасности. Она была сильнѣе обонянія.

Верхушка блиндажа уже ясно выпсовывалась. Пока ни одного живого японца мы не встрѣтили. Когда оставалось около 50 шаговъ, Труфановъ началъ мнѣ шептать,—«ваше благородіе, дальше нельзя, убьютъ», я не останавливался и ничего не отвѣчалъ ему, такъ какъ видѣлъ, что это разстояніе слишкомъ велико и шести-фунтовый патронъ рукою не добросить.

Слышенъ былъ уже разговоръ японцевъ около блиндажа, но разстояніе все же было еще велико.

Наконецъ, на глазъ, осталось разстояніе около 15 шаговъ. Остановились. Беру у Буторина одинъ патронъ, вставилъ запаль, укрѣпилъ его, расщепилъ бикофордовъ шнуръ и, закрывъ фуражкой фитиль, приложилъ его къ бикфордову шнуру. Нѣсколько моментовъ шнуръ не загорался. Наконецъ, раздалось характерное шипеніе воспламенившагося шнура. Ждать нельзя было ни одной секунды, такъ какъ шнуръ былъ коротко обрѣзанъ, всего около дюйма.

Раскачавъ патронъ, бросилъ...

Ну, что-то будетъ! Прижались не дыша. Ждемъ. Раздается оглушительный взрывъ и его огнемъ освѣтило блиндажъ, окопъ и, какъ мнѣ казалось, и насъ. При свѣтѣ японскій блиндажъ оказался такъ близко, какъ я не ожидалъ, высматривая его въ темнотѣ.

Прошло нѣсколько секундъ послѣ взрыва. Я увѣренъ, что самыя лучшія глаза въ это время не отличили бы насъ отъ труповъ, настолько мы были неподвижны. Я ясно не видѣлъ, куда упалъ патронъ, но Труфановъ замѣтилъ, что онъ немного не долетѣлъ.

Труфановъ, шептавшій мнѣ нѣсколько минутъ тому назадъ, — «ваше благородіе, дальше нельзя, убьютъ, — тутъ же сказалъ мнѣ: «ваше благородіе, дай мнѣ, я лучше кину, не долетѣлъ».

Я снарядилъ второй патронъ и, зажегши его, далъ ему. Снова взрывъ. Теперь я видѣлъ, что патронъ упалъ на самую крышу блиндажа. Кругомъ съ шумомъ сыпались камни, но все же никакого результата, — блиндажъ продолжалъ стоять также твердо, какъ стоялъ.

Что же дальше дѣлать? Вѣдь такъ можно безъ пользы израсходовать и оставшіеся четыре патрона.

Даль знакъ людямъ идти обратно. Поползли. Только что отошли нѣсколько шаговъ, какъ надъ нами, почти рядомъ, выросла фигура японскаго часового.

Первый моментъ было желаніе прикончить его, но онъ былъ на высотѣ, да и, несмотря на темноту, было видно, что онъ смотритъ куда-то вдаль, черезъ насъ. Казалось, что онъ принялъ взрывы нашихъ патроновъ за рвущіеся удачно пущенные издалека снаряды. Посмотрѣвъ кругомъ, часовой осторожно скрылся опять въ свой блиндажъ. Послѣ этого мы продолжали ползти обратно.

Благополучно вернувшись въ офицерскій блиндажъ, я рассказалъ Сычеву о нашей неудавшейся попыткѣ.

Такъ какъ, дѣйствуя съ одной только стороны, представлялось очень затруднительнымъ разрушить блиндажъ, то я рѣшилъ дѣйствовать такимъ образомъ: Буторина и Труфанова съ двумя патронами отправить снова по той же дорогѣ, а самому съ Фоминичемъ пойти съ лѣвой стороны и попытаться также близко подойти къ блиндажу, какъ и въ первомъ случаѣ. Сычева я попросилъ дать мнѣ еще одного человѣка, который, идя за мной на такомъ разстояніи, чтобы не терять меня изъ вида, могъ бы по моему сигналу

вернуться обратно. Моментъ его возвращенія обратно долженъ былъ служить для Сычева сигналомъ пустить ракету.

По этой ракетѣ, Буторинъ, который по моему расчету, идя по старой дорогѣ, долженъ дойти до блиндажа раньше, чѣмъ я, долженъ былъ начать бросать патроны.

Одновременными взрывами съ двухъ сторонъ я рассчитывалъ сломить блиндажъ.

Дорога къ блиндажу съ лѣвой стороны была почти симметрична пути съ правой стороны. Этотъ разъ мы шли уже скорѣе, такъ какъ, во-первыхъ, приспособились, а во-вторыхъ, я зналъ, что японцы не сидятъ въ своемъ окопѣ, и самое большое можно было рассчитывать встрѣтить отдѣльныхъ часовыхъ, которыхъ при осторожности легко можно было убрать.

Увидѣвъ снова блиндажъ на такомъ же разстояніи какъ первый разъ, я черезъ Фоминича далъ знать слѣдовавшему за нами стрѣлку.

Ждать пришлось томительно долго, около получаса. Въ той обстановкѣ, въ какой мы находились, это былъ громадный срокъ. Трупный запахъ сталъ донимать насъ до тошноты.

Отчетливо мы слышали разговоръ и перешептываніе между собой японцевъ. Голова отяжелѣла, и начинало клонить ко сну.

Наконецъ, съ шумомъ взрывается ракета. вмѣстѣ съ ней также быстро выросла въ насъ снова лихорадочная энергія. Взявъ у Фоминича патронъ, снарядилъ его и только что поджегъ бикфордовъ шнуръ, какъ съ правой стороны блиндажа раздался взрывъ; вслѣдъ за нимъ разорвался и нашъ патронъ.

Эти почти одновременные взрывы оглушили насъ и засыпали массой камней и обвалившейся земли. При яркомъ свѣтѣ взрывовъ я видѣлъ, какъ блиндажъ покачнулся, и въ слѣдующій моментъ оттуда поднялся столбъ огня, и что-то внутри съ трескомъ начало разрываться.

Тутъ уже мимо насъ посыпались цѣлые куски бревенъ.

Одновременно съ этимъ раздался дикій ревъ, и передъ нашими глазами выросла громадная толпа японцевъ, бросившаяся изъ блиндажа по всѣмъ направленіямъ. Японцы видѣли насъ, какъ мнѣ казалось, но паника среди нихъ была настолько велика, что имъ было не до насъ, и они въ ужасѣ, давя другъ друга, бѣжали безъ ружей, безъ аммуниціи. Фоминичъ, выскочивъ наружу окопа, доставалъ изъ за галанки однофунтовые патроны, которые онъ забралъ безъ моего вѣдома «на всякій случай» и швырялъ ихъ въ

догонку бѣжавшей толпѣ. Всего, что угодно, но такого эффекта я никакъ не ожидалъ. Когда прошелъ первый моментъ моего оцѣпенѣнія, я выскочилъ изъ окопа къ блиндажу. Блиндажъ продолжалъ горѣть.

Отъ радости я не чувствовалъ ногъ подъ собою. Уже бѣгомъ я кинулся по окопу обратно, чтобы сказать, что японцы бѣгутъ.

При выходѣ изъ окопа я встрѣтилъ штабсъ-капитана Краморенко, спѣшившаго къ блиндажу. Въ нѣсколькихъ словахъ я ему описалъ положеніе дѣлъ.

«Пойдемте къ Сычеву»,—сказалъ онъ мнѣ «скажемъ ему, онъ пойдетъ въ наступленіе, а у меня есть еще девять человѣкъ».

Сычевъ, изъ нашихъ быстрыхъ и малосвязныхъ словъ, сразу не разобралъ точно, что произошло. Въ это же время подбѣжалъ къ блиндажу какой то унтеръ-офицеръ и взволнованнымъ голосомъ, обращаясь къ Сычеву, говорить, — «ваше выскоблагородіе разрѣшите идти въ атаку, японцы бѣгутъ».

«А ты съ кѣмъ же пойдешь?»

«Такъ что насъ 10 человѣкъ», указывая пальцемъ куда-то назадъ, отвѣтилъ онъ.

Штабсъ-капитанъ Краморенко выбѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ и бросился въ сторону японскаго блиндажа. Сычеву самому хотѣлось кинуться, но онъ былъ комендантъ и не имѣлъ права отойти отъ телефона. Сейчасъ же было имъ передано по телефону въ штабъ 5-го полка, что онъ проситъ немедленно прислать двѣ роты. т. к. переходить въ наступленіе.

Бывшее на Высокой нѣсколько часовъ тому назадъ подавленное настроеніе сразу обратилось въ приподнятое, радостное. Повсюду было громадное оживленіе. Къ блиндажу то изъ того, то изъ другого окопа прибѣгали стрѣлки съ требованіемъ бомбочекъ и мѣшковъ. Мѣшки были насущно необходимы, т. к. нужно было устранивать взятый блиндажъ, закладывая его со стороны непріятеля.

Много солдатскихъ шинелей, снятыхъ ими тутъ же съ себя, набивались землей.

Одинъ изъ стрѣлковъ вырвалъ у меня изъ рукъ мѣшокъ съ бомбочками, которыя я приготовлялъ, обрѣзая фитили, высыпалъ ихъ всѣ тутъ же и, схвативъ мѣшокъ, побѣжалъ. Я только что успѣлъ крикнуть, — «куда ты»!.. «мѣшокъ нуженъ», но онъ скрылся.

Нѣсколько времени спустя, я прошелъ въ разрушенный блиндажъ. Съ мѣста поражалъ удушливый запахъ горящаго мяса. Вся

внутренность блиндажа была засыпана изуродованными тѣлами, нѣкоторыя изъ которыхъ подавали еще очень слабые признаки жизни. Пробовали вытащить японскіе пулеметы, но это было невозможно, до того они были завалены трупами ¹⁾).

Въ эту ночь къ 4 часамъ утра Высокая была совершенно очищена отъ японцевъ, которыхъ выгнали изъ всѣхъ окоповъ и далеко загнали за подошву горы, откуда они два мѣсяца не появлялись.

Наши потери въ эту ночь ограничились 10-ю ранеными.

Стрѣлки такъ остались довольны дѣйствіемъ патроновъ, что говорили мнѣ, — «ваше благородіе, приходите еще съ пироксилиномъ».

Въ тотъ же день, около 12 часовъ, когда я сидѣлъ въ каютъ-компаніи на «Баянѣ», мнѣ доложили, что меня просить стрѣлокъ, унтеръ-офицеръ.

Выхожу. Смотрю, — Труфановъ. Труфановъ, нѣсколько часовъ тому назадъ рядовой, въ окопѣ весь грязный и изодранный, чистенько одѣтъ, съ тремя нашивками на погонѣ и съ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й ст. на груди.

Въ рукахъ у него начищенная японская винтовка и ихъ же сумка съ патронами.

«Ваше благородіе! позвольте вамъ въ презентъ винтовку; я взялъ, которая лучшая была, изъ блиндажа», обратился онъ ко мнѣ.

То, что я почувствовалъ въ этотъ моментъ, пойметъ всякій военный.

Труфанова я передалъ тутъ же дорогимъ гостемъ на попеченіе двухъ другихъ новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ 3-й степени, — Буторина и Фоминича.

Какой бы былъ это триумвиратъ, какъ можно было бы много сдѣлать съ нимъ!

Я говорю «бы», такъ какъ на дняхъ получилъ извѣстіе отъ священника Дьякова изъ Архангельска о кончинѣ подпоручика Буторина!

Вотъ краткая біографія этого замѣчательнаго человѣка.

Покойный родомъ изъ крестьянъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубовской волости, деревни Федоровской.

Въ 1900 году по призыву попалъ во флотъ. При выборѣ изъ новобранцевъ людей наиболѣе способныхъ для опредѣленія въ

¹⁾ Какъ выяснилось потомъ, въ японскомъ блиндажѣ былъ большой запасъ ихъ бомбочекъ, взрывъ которыхъ очень содѣйствовалъ разрушенію блиндажа и уничтоженію японцевъ.

разные классы, Буторинъ попалъ въ минный классъ. Черезъ два года, по экзамену, получилъ званіе штатнаго минера. Какъ выдающийся изъ таковыхъ, былъ оставленъ въ классѣ еще на годъ для прохожденія унтеръ-офицерскаго курса, который прекрасно окончилъ въ 1903 году и сейчасъ же былъ назначенъ младшимъ квартирмейстеромъ (унтеръ-офицеромъ) на крейсеръ 1-го ранга «Ваянъ». Все время плаванія «Баяна» тихій, скромный Буторинъ выдѣлялся своими знаніями и рвеніемъ къ службѣ. Онъ главнымъ образомъ специализировался по телеграфіи безъ проводовъ. Какъ назначенный состоять при телеграфныхъ аппаратахъ, Буторинъ большую часть дня сидѣлъ въ рубкѣ, стараясь практикой все больше и больше увеличивать чувствительность приѣмнаго аппарата. Благодаря его стараніямъ, «Баянъ» по приходѣ въ Портъ-Артуръ, при состязаніи судовъ на полученіе на ленту телеграммъ съ наибольшаго разстоянія, оказался первымъ. При выборѣ людей на какія либо болѣе опасныя экскурсіи (атаковать брандеры, тралить мины) Буторинъ постоянно вызывался желающимъ.

При постановкѣ на берегу прожекторовъ, при закладкѣ фугасовъ, Буторинъ принималъ всегда самое дѣятельное участіе.

При дѣйстви въ близкомъ разстояніи отъ японцевъ разными минами и пироксилиновыми зарядами, Буторинъ отличался беззаветной храбростью, проявленіемъ большой инициативы и хладнокровіемъ.

Послѣ конца кампаніи Буторинъ одно время былъ на службѣ у Великаго Князя Александра Михаловича, сначала помощникомъ шофера, а потомъ и шоферомъ.

Желая продолжать военную службу и идти опять плавать, онъ просилъ Великаго Князя разрѣшить ему вернуться въ строй.

Подготовившись, онъ выдержалъ экзаменъ на миннаго кондуктора и былъ назначенъ на крейсеръ «Богатырь».

Затѣмъ, во вниманіе его заслугъ въ Портъ-Артурѣ, онъ былъ произведенъ въ подпоручики по адмиралтейству и переведенъ въ архангельскій дисциплинарный батальонъ. И тамъ, какъ я вижу по письму священника Дьякова, онъ пользовался такою же блестящей репутаціей, какъ вездѣ.

Вотъ что пишетъ священникъ Дьяковъ о болѣзни Буторина, — «Недѣли за двѣ до болѣзни своей, на большой охотѣ на сѣверной Двинѣ, Андрианъ Андриановичъ Буторинъ рѣшилъ поймать голыми руками гагару на водѣ и, ныряя съ дальняго разстоянія, дѣйствительно подобрался къ птицѣ и схватилъ ее. Онъ остался по-

бѣдителемъ въ терпѣніи, выносливости и въ знаніи характера этой осторожной птицы. Побѣдителемъ вышелъ и передъ своими оппонентами, товарищами по охотѣ».

Почувствовалъ себя плохо Буторинъ во время дежурства, но, находясь на службѣ, не позволилъ поставить себя даже градусника, а кончивъ дежурство, прямо былъ отправленъ въ госпиталь. Пробылъ онъ около мѣсяца. За полторы минуты до смерти покойный успѣлъ причаститься.

Лейтенантъ Ж. Подгурскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

